

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-243-251

ТОЛСТИК Дмитрий Борисович,
Аспирант кафедры публичного и
международно-правового обеспечения национальной безопасности
Российского государственного университета
нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина,
e-mail: workingmail@lenta.ru

КОНЦЕПЦИЯ СУВЕРЕНИТЕТА ЖАНА БОДЕНА И ЕЁ ТРАНСФОРМАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Предметом исследования является концепция суверенитета Жана Бодена и её трансформация в условиях развития современного государства и международного правопорядка. Объектом исследования выступают теоретико-правовые воззрения Ж. Бодена, а также последующая эволюция доктрины суверенитета в отечественной и зарубежной научной мысли. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы как абсолютный характер суверенной власти в классическом понимании, принцип единства и неделимости суверенитета, а также исторические предпосылки формирования боденовской модели государства. Особое внимание уделяется соотношению суверенитета и естественного права, влиянию идей Бодена на развитие теории правового государства и международного права. Анализируются взгляды российских и зарубежных исследователей на проблему ограничения суверенной власти в условиях конституционализма и глобализации. В исследовании использованы историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-логический и системный методы анализа. Применён доктринальный подход к изучению научных концепций суверенитета, а также метод интерпретации правовых источников и научной литературы. Основными выводами проведённого исследования являются положения о том, что концепция суверенитета Жана Бодена выступила фундаментальной основой классической теории государства, определив юридическое понимание верховной власти. Новизна исследования заключается в комплексном анализе трансформации боденовской модели суверенитета от абсолютного монархического содержания к современной координатной и нормативно обусловленной модели государственности. Особым вкладом автора в исследование темы является обоснование сохранения базовых характеристик суверенитета – единства, постоянства, независимости и юридической первичности – при их институциональной адаптации к условиям демократии, разделения властей и международной интеграции. Показано, что современное понимание суверенитета предполагает сочетание внутренней автономии государства с его участием в системе международных обязательств. Установлено, что боденовская теория, несмотря на историческую обусловленность, сохраняет методологическое значение для анализа природы государственной власти, правового государства и глобального правопорядка в XXI веке.

Ключевые слова: Жан Боден, теория суверенитета, публичная власть, верховная власть, правовое государство, разделение властей, народный суверенитет, конституционализм, международное право, трансформация политико-правовой доктрины.

TOLSTIK Dmitry Borisovich,
Graduate student of the Department of Public and International Legal Support
of National Security of the Russian State University of Oil and Gas
(NRU) named after I.M. Gubkin

JEAN BODIN'S CONCEPT OF SOVEREIGNTY AND ITS TRANSFORMATION IN A MODERN STATE

Annotation. The subject of the research is the concept of sovereignty as presented by Jean Bodin and its transformation in the context of the development of the modern state and international legal order. The object of the research consists of the theoretical and legal views of J. Bodin, as well

as the subsequent evolution of the doctrine of sovereignty in domestic and foreign scholarly thought. The author examines in detail aspects of the topic such as the absolute nature of sovereign power in the classical understanding, the principle of the unity and indivisibility of sovereignty, and the historical prerequisites for the formation of Bodin's model of the state. Special attention is paid to the relationship between sovereignty and natural law, the influence of Bodin's ideas on the development of the theory of the rule of law and international law. The views of Russian and foreign researchers on the problem of limiting sovereign power in the context of constitutionalism and globalization are analyzed. The study uses historical-legal, comparative-legal, formal-logical, and systemic methods of analysis. A doctrinal approach is applied to the study of scientific concepts of sovereignty, as well as a method of interpreting legal sources and scholarly literature. The main conclusions of the conducted research are that Jean Bodin's concept of sovereignty served as a fundamental basis for classical theories of the state, defining the legal understanding of supreme power. The novelty of the research lies in the comprehensive analysis of the transformation of Bodin's model of sovereignty from an absolute monarchical content to a modern coordinated and normatively conditioned model of statehood. A significant contribution of the author to the study of this topic is the justification for the preservation of the basic characteristics of sovereignty—unity, permanence, independence, and legal primacy—while their institutional adaptation to the conditions of democracy, separation of powers, and international integration. It is demonstrated that the modern understanding of sovereignty implies a combination of the internal autonomy of the state with its participation in the system of international obligations. It has been established that Bodin's theory, despite its historical conditioning, retains methodological significance for analyzing the nature of state power, the rule of law, and the global legal order in the 21st century.

Key words: Jean Bodin, theory of sovereignty, public authority, supreme authority, rule of law, separation of powers, popular sovereignty, constitutionalism, international law, transformation of political and legal doctrine.

Введение

Категория государственного суверенитета на протяжении нескольких столетий занимает центральное место в теории государства и права и остаётся одной из ключевых тем историко-правовых исследований. Суверенитет традиционно рассматривается как фундаментальное свойство государства, выражающее его верховенство во внутренней сфере и независимость во внешних отношениях. Несмотря на значительные изменения политических институтов, форм правления и структуры международного правопорядка, данная категория сохраняет важное теоретическое и методологическое значение для анализа природы государственной власти и механизмов её правовой легитимации.

Объектом настоящего исследования является теория государственного суверенитета в истории политико-правовой мысли. Предмет исследования составляет концепция суверенитета Жана Бодена и её трансформация в условиях развития конституционализма, демократии и современного международного права.

Цель исследования заключается в выявлении историко-теоретических оснований боденовской концепции суверенитета и анализе основных направлений её эволюции в последующей политико-правовой мысли.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих задач: анализ исторических предпосылок формирования учения Бодена

о суверенитете; исследование ключевых положений его концепции; рассмотрение критики и дальнейшего развития данной теории в европейской политико-правовой традиции; определение особенностей трансформации категории суверенитета в условиях современного государства и международного правопорядка.

Тем самым исследование позволяет проследить историческую эволюцию категории суверенитета - от её классической формулировки в трудах Бодена до современных интерпретаций, отражающих изменения политических и правовых институтов. Данный подход предопределяет необходимость обращения к историческим условиям формирования боденовской доктрины и анализу её исходных теоретических оснований, что и составляет предмет рассмотрения в первом разделе настоящего исследования.

Основная часть

Впервые суверенитет был концептуально оформлен как самостоятельная правовая категория в трудах французского мыслителя XVI века Жана Бодена, прежде всего в его фундаментальном произведении «Шесть книг о государстве» [1].

Формирование взглядов Жана Бодена происходило в условиях глубокого политического и социального кризиса Франции второй половины XVI века.

Религиозные войны, ослабление королевской власти, противостояние католиков и гугено-

тов, а также притязания папского престола на вмешательство во внутренние дела светских государств обусловили необходимость создания новой теоретической модели государства, способной обеспечить политическое единство и правовую стабильность [2].

В отличие от средневековой традиции, связывавшей легитимность власти с феодальной и религиозной иерархией, Боден предложил юридическое понимание государства как устойчивого правопорядка, основанного на верховной власти. Суверенитет в его трактовке перестал быть исключительно фактом политического господства и превратился в правовую категорию, определяющую сущность государства как особого публично-властного образования [3].

Термин *souveraineté* был заимствован Боденом из средневековой юридической лексики, где он обозначал высшую власть, не подчинённую иному земному владычеству [4]. Однако именно Боден наполнил данный термин системным теоретическим содержанием. В «Шести книгах о государстве» суверенитет определяется как абсолютная и постоянная власть государства, не ограниченная человеческими законами [5, с. 84-87].

Государство, по Бодену, есть осуществление суверенной властью справедливого управления множеством семей и тем, что находится в их общем владении [6, с. 112-115]. Тем самым мыслитель подчёркивал, что не территория и не население сами по себе образуют государство, а именно союз людей под единой суверенной властью. Суверенитет выступает тем принципом, который превращает совокупность частных лиц и корпораций в политически организованное целое.

Одним из центральных положений концепции Бодена является тезис о единстве и неделимости суверенитета. Суверенитет не может быть разделён между несколькими субъектами или органами без утраты своей сущности [7, с. 120-124]. Деление верховной власти между монархом, сословиями, парламентом или церковью неизбежно ведёт к ослаблению государства и политической нестабильности.

В этом положении также отчетливо прослеживается реакция Бодена на политическую реальность Франции XVI века, раздираемой религиозными войнами и борьбой между королевской властью, знатью и папством. Суверенитет мыслится как средство преодоления феодальной раздробленности и религиозного дуализма власти.

Учение Жана Бодена о суверенитете, изложенное в трактате «Шесть книг о государстве» (1576), вызвало широкий резонанс в политико-правовой мысли конца XVI — начала XVII века. Его концепция абсолютного, постоянного и неделимого суверенитета стала теоретическим отве-

том на кризис феодальной раздробленности и религиозных войн во Франции, что обусловило как её поддержку со стороны сторонников сильной государственной власти, так и острую критику со стороны представителей иных политико-правовых традиций.

Среди мыслителей, в целом разделявших боденовское понимание суверенитета, следует назвать французских легистов и сторонников королевского абсолютизма. Так, Шарль Луазо, развивая идеи Бодена, рассматривал суверенитет как юридически неограниченную власть монарха, необходимую для обеспечения общественного порядка и преодоления сословных конфликтов. Луазо подчёркивал, что только централизованная верховная власть способна гарантировать единство закона и стабильность государства, что напрямую коррелирует с боденовским тезисом о неделимости суверенитета [Луазо Ш. Трактат о сеньориях и должностях. Париж, 1608] [8, с. 182-185].

Схожие позиции занимал Жан де Сильон, государственный деятель и теоретик абсолютизма, который рассматривал суверенитет как постоянное качество королевской власти, не зависящее от воли подданных или сословных институтов. В его работах подчёркивалось, что разделение суверенной власти неизбежно ведёт к ослаблению государства и гражданским смутам, что полностью соответствует аргументации Бодена [Сильон Ж. О средствах укрепления государства. Париж, 1615] [9, с. 185-188].

В то же время концепция Бодена вызвала серьёзную критику со стороны представителей протоконституционализма и теории смешанного правления. Наиболее последовательным критиком боденовской теории считается Иоганн Альтузий, который в труде «Политика, изложенная методически» (1603) отвергал идею единоличного носителя суверенитета. Альтузий утверждал, что верховная власть принадлежит не монарху, а политическому сообществу в целом, и реализуется через систему договоров и корпоративных союзов. Суверенитет, по его мнению, носит производный характер и ограничен фундаментальными правами общин и сословий [Альтузий И. Политика. Херборн, 1603] [10, с. 87-94, 112-118].

С критикой боденовской абсолютизации суверенитета выступали и английские мыслители. Джон Понет, анализируя природу государственной власти, подчёркивал, что признание суверена надзаконным субъектом создаёт предпосылки для тирании. Он отстаивал идею подчинения власти закону и допускал право народа на сопротивление в случае злоупотребления суверенной властью [Ponet J. A Short Treatise of Political Power. London, 1556]. Данная позиция принципиально

расходилась с боденовским тезисом о неподотчётности суверена позитивному праву [11, с. 171-175].

Аналогичные аргументы развивал Джордж Бьюкенен, который рассматривал государственную власть как производную от народного суверенитета и настаивал на договорной природе политического господства. В его интерпретации суверенитет не может быть абсолютным и неделимым, поскольку он ограничен целями общего блага и естественным правом [Buchanan G. *De Jure Regni apud Scotos*. Edinburgh, 1579] [12, с. 45-53, 61-64].

Особую линию критики составляли представители католической схоластики позднего периода, прежде всего Франсиско Суарес, который отрицал возможность концентрации суверенитета исключительно в руках монарха. Суарес признавал верховенство государственной власти, однако выводил её из первоначального народного согласия и подчёркивал её связанность моральным и естественным правом [Suárez F. *De Legibus ac Deo Legislatore*. Coimbra, 1612] [13, 201-210].

Таким образом, уже в период формирования боденовской доктрины суверенитета выявились два противоположных подхода: абсолютистский, отстаивающий идею единого и неделимого суверенитета как основы государственности, и протоконституционный, ориентированный на ограничение верховной власти правом, договором и политическим участием общества. Несмотря на критику, именно боденовская концепция суверенитета оказала определяющее влияние на последующее развитие теории государства и права, заложив основы современного понимания суверенитета как высшей и юридически первичной публичной власти, что подтверждает её фундаментальное значение в истории политико-правовой мысли.

Несмотря на фундаментальное значение концепции суверенитета Жана Бодена для формирования классической теории государства, уже в XVII-XVIII веках в европейской политико-правовой мысли стали формироваться устойчивые представления о её исторической ограниченности. В российской науке подчёркивается, что боденовская модель суверенитета была тесно связана с социально-политическими условиями позднего Средневековья и раннего Нового времени и потому не могла быть механически перенесена в иные исторические контексты [14, с. 178-182].

Одним из ключевых оснований критики боденовского учения стало его абсолютистское понимание суверенной власти. Представители договорной теории государства XVII века, прежде всего Т. Гоббс и особенно Дж. Локк, хотя и использовали категорию суверенитета, существенно пересмотрели её содержание. В российской лите-

ратуре отмечается, что Локк фактически отверг боденовскую идею надзаконности суверена, заменив её принципом подчинения государственной власти закону и естественным правам личности [15, с. 214-219]. Тем самым суверенитет перестал пониматься как неограниченное качество власти и стал рассматриваться как производный и функционально ограниченный институт.

Существенным шагом в признании устаревания боденовской концепции стало развитие теории разделения властей, прежде всего в трудах Ш.-Л. Монтескьё. Как подчёркивает В. С. Нерсисянц, принцип разделения властей концептуально несовместим с боденовским тезисом о неделимости суверенитета в его классическом виде [16, с. 230-235]. Монтескьё исходил из того, что концентрация всей верховной власти в одном субъекте неизбежно ведёт к деспотизму, тогда как политическая свобода возможна лишь при институциональном разделении властных функций.

В рамках немецкой классической философии права боденовская теория также подверглась переосмыслению. Так, И. Кант и Г. В. Ф. Гегель признавали необходимость верховной государственной власти, но отрицали возможность её существования вне правового порядка. В российской науке подчёркивается, что у Гегеля суверенитет уже не выступает как личное качество монарха, а рассматривается как свойство государства как правового целого [17, с. 279-285], что означает отказ от персоналистского и абсолютистского понимания суверенитета, характерного для Бодена.

В XIX веке боденовская концепция суверенитета всё чаще рассматривалась как исторически преходящая форма легитимации власти. Представители либеральной и конституционной традиции указывали, что идея надзаконного суверена противоречит принципам правового государства. В российской юридической доктрине подчёркивается, что развитие конституционализма окончательно подорвало боденовскую модель, заменив её концепцией народного суверенитета и верховенства конституции [18, с. 247-252].

Особенно отчётливо ограниченность боденовского учения проявилась в условиях формирования современного международного права. Как отмечает О. Е. Кутафин, абсолютный и изолированный суверенитет, характерный для классической теории Бодена, оказался несовместим с системой международных обязательств, наднациональных институтов и коллективной безопасности [19, с. 42-48]. Суверенитет в XX-XXI веках приобрёл относительный и функциональный характер, что окончательно закрепило представление о боденовской модели как исторически устаревшей в её исходном виде.

В отечественной теории государства и права концепция суверенитета Жана Бодена получила устойчивое признание как исходная теоретическая модель, положившая начало системному осмыслению верховной государственной власти. Большинство российских исследователей сходятся во мнении, что именно Боден впервые придал суверенитету юридически оформленный и концептуально целостный характер, отделив его от феодальных и теологических представлений о власти.

Так, С.С. Алексеев подчёркивал, что боденовская идея единства и неделимости суверенитета сохраняет фундаментальное значение и для современных правовых систем, несмотря на институциональное разделение властей. По его мнению, разделяются не источники власти, а формы и механизмы её осуществления, тогда как суверенитет остаётся единым юридическим основанием публичной власти государства [20, с. 241-246]. В этом контексте Боден рассматривается как предшественник современной конституционно-правовой доктрины.

Схожую позицию занимает О.Е. Кутафин, который указывал, что учение Бодена заложило методологические основы для понимания суверенитета как юридического свойства государства, а не политического преимущества или фактического могущества. При этом исследователь подчёркивал, что боденовское разграничение суверенной власти и позитивного права предопределило формирование принципа верховенства конституции в правовом государстве [21, с. 35-42].

Поддерживая ключевые элементы концепции Бодена, В.Е. Чиркин отмечал, что его учение позволило впервые обосновать суверенитет как непрерывное и постоянное качество государства, не зависящее от смены правителей или форм правления. По мнению автора, именно это положение стало теоретической предпосылкой современного принципа народного суверенитета, при котором носитель власти остаётся неизменным, а органы власти — сменяемыми [22, с. 188-193].

В то же время в российской науке последовательно развивалась и критика боденовской концепции, прежде всего её абсолютистской и монархической направленности. Так, Н.И. Матузов указывал, что идея неподконтрольности суверена позитивному праву объективно создавала теоретические основания для произвола власти и противоречила принципу правовой ограниченности государства [23, с. 214-218].

Аналогичную позицию занимала Л.А. Морозова, подчёркивавшая, что боденовская модель суверенитета адекватно отражала социально-политические реалии XVI века, но не могла быть напрямую перенесена в условия современного

конституционализма. По её мнению, отрицание юридической связанности суверена законом вступает в противоречие с принципами правового государства и разделения властей [24, с. 167-171].

Важным направлением критики является также боденовское обоснование абсолютной монархии как наилучшей формы реализации суверенитета. Российские исследователи подчёркивают, что данная позиция носит исторически обусловленный характер и не учитывает механизмов демократической легитимации власти. Так, А.В. Малько указывает, что в современных условиях устойчивость государственной власти обеспечивается не концентрацией суверенитета в одном институте, а системой сдержек и противовесов, основанной на праве и общественном контроле [25, с. 98-103].

Вместе с тем даже критически настроенные авторы признают, что Боден впервые ввёл в научный оборот идею естественно-правовых пределов суверенной власти, запрещающих посягательство на базовые права личности. Данное положение рассматривается как одна из ключевых предпосылок формирования современной доктрины прав человека и концепции легитимности государственной власти [26, с. 256-260].

В развитии отечественной доктрины международного права категория суверенитета получила самостоятельное и во многом переосмысленное содержание по сравнению с классической концепцией Жан Боден. Если для Бодена суверенитет означал абсолютную и неделимую верховную власть внутри государства, то в трудах советских и российских международников акцент смещается на внешнее измерение — независимость государства в системе международных отношений и его юридическое равенство с другими субъектами международного права.

Значительный вклад в разработку проблемы внёс Григорий Иванович Тункин. Он рассматривал суверенитет как юридическое качество государства, выражающее его независимость во внешних сношениях и верховенство во внутренней сфере. При этом Тункин подчёркивал, что суверенитет не означает произвольной свободы действий: государство, обладая суверенитетом, добровольно принимает на себя международно-правовые обязательства, которые не ограничивают, а реализуют его суверенную волю. Суверенное равенство государств, по Тункину, выступает фундаментальным принципом международного права, закреплённым в Уставе ООН и конкретизированным в практике межгосударственного сотрудничества. Таким образом, в его интерпретации суверенитет приобретает нормативное измерение и становится основой международной правосубъектности государства [27, с. 45-48].

Иную, более институционально ориентированную трактовку развивал Игорь Иванович Лукашук. Он подчёркивал, что современный суверенитет функционирует в условиях растущей взаимозависимости государств и развития международных организаций. По мнению Лукашука, участие государства в интеграционных объединениях и заключение многосторонних договоров не свидетельствуют об утрате суверенитета, поскольку такие действия осуществляются на основе свободного волеизъявления. Суверенитет, следовательно, трансформируется: от изолированной абсолютности к координационной модели, в рамках которой государство сочетает внутреннюю автономию с международной ответственностью. Особое внимание учёный уделял соотношению принципа невмешательства и международных механизмов защиты прав человека, показывая, что пределы суверенитета определяются нормами международного права общего характера [28, с. 103-110, 120-125, 210-218].

В трудах Олега Ивановича Тиунова суверенитет рассматривается через призму конституционализации международного права. Тиунов подчёркивал, что современное государство реализует свой суверенитет не вопреки международному праву, а в его рамках. Он обращал внимание на усиление роли общепризнанных принципов и норм международного права, которые становятся частью национальной правовой системы. В этой связи суверенитет приобретает функциональный характер: он выражается в способности государства самостоятельно определять объём и формы своего участия в международном правопорядке, сохраняя при этом верховенство государственной власти на собственной территории [29, с. 45-52, 78-85, 110-118].

Комплексный отраслевой подход к проблеме демонстрирует Константин Аркадьевич Бекашев. В рамках общей теории международного права он трактует суверенитет как основу правосубъектности государства и предпосылку реализации принципа суверенного равенства. Бекашев подчёркивает, что современное международное право не умаляет суверенитет, а, напротив, институционализирует его через систему договорных и обычных норм. Суверенитет проявляется в праве государства участвовать в международных отношениях, заключать договоры, нести международную ответственность и требовать уважения своей территориальной целостности. В его работах подчёркивается взаимосвязь суверенитета и международной законности, а также значение баланса между национальными интересами и универсальными принципами мирового правопорядка [30, с. 95-110, 412-420].

Таким образом, в российской международно-правовой доктрине суверенитет понимается не

как абсолютная и ничем не ограниченная власть в боденовском смысле, а как юридически оформленная независимость государства, реализуемая в системе международных обязательств и принципов. Эта эволюция демонстрирует переход от классической концепции неделимой верховной власти к современной модели координированного, взаимосвязанного и нормативно обусловленного суверенитета.

С точки зрения современного конституционного права тезис, что суверенитет мыслится как средство преодоления феодальной раздробленности и религиозного дуализма власти утратил буквальную актуальность, поскольку разделение властей стало фундаментальным принципом демократического государства. Суверенитет остаётся единым источником публичной власти, даже если реализуется через несколько институтов.

Современная теория государства и права, признавая принцип разделения властей, сохраняет боденовскую идею единства суверенитета. Разделяются не суверенитет как таковой, а функции и механизмы его осуществления, что прямо отражено в конституционно-правовых доктринах современных государств [31, с. 241-246].

Боден подчёркивал, что суверенитет обладает постоянным характером и не может быть передан на определённый срок или на условиях договора [32, с. 130-134]. Суверенная власть не является мандатом или временным поручением, а представляет собой устойчивое качество государства.

В современных демократических государствах данное положение трансформируется через концепцию народного суверенитета, закреплённую, в частности, в ст. 3 Конституции Российской Федерации [33]. Народ остаётся постоянным носителем суверенитета, тогда как органы публичной власти лишь осуществляют его на основе временного доверия.

Суверен, по Бодену, не связан положительным правом, поскольку сам является источником законов [34, с. 140-145]. Однако эта надзаконность не носит абсолютного характера: суверенная власть ограничена естественным и божественным правом, включающим фундаментальные права личности [35, с. 146-150].

Современное правовое государство отвергает надзаконность органов власти, закрепляя принцип верховенства конституции и права [36]. Вместе с тем различие между позитивным и естественным правом, введённое Боденом, стало важной предпосылкой формирования доктрины прав человека.

Боден последовательно отстаивал идею абсолютной монархии как наиболее совершенной формы реализации суверенитета [37, с. 210-218].

Демократию он считал нестабильной, а аристократию — подверженной фракционной борьбе.

Данная позиция отражает социально-политические реалии XVI века и не может быть непосредственно перенесена на современное государство. Однако сама идея централизованной верховной власти, способной обеспечивать правопорядок и территориальную целостность, сохраняет значение и в XXI веке, реализуясь в институциональной форме [38].

Несмотря на признание абсолютного характера суверенной власти, Боден подчёркивал, что суверен не вправе посягать на естественные права личности, включая право на жизнь, частную собственность и свободу совести [39, с. 160-168]. Нарушение этих пределов превращает власть в тиранию и лишает её легитимности.

Данные положения оказали значительное влияние на последующее развитие теории прав человека и нашли отражение в международных актах, включая Всеобщую декларацию прав человека 1948 года [40].

В современном международном праве суверенитет сохраняется, но приобретает относительный характер, выражающийся в добровольном принятии международных обязательств [41].

При этом суверенитет остаётся основой международной правосубъектности государства и закреплён в Уставе ООН [42].

Концепция суверенитета Жана Бодена, несмотря на её монархическую направленность и историческую обусловленность, сохраняет фундаментальное значение для современной теории государства и права. Основные признаки суверенитета — верховенство, постоянство, независимость и юридическая первичность — продолжают лежать в основе государственности и в XXI веке.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что государственный суверенитет в современном международном праве претерпевает существенную трансформацию, обусловленную изменением характера международных отношений, усложнением глобальных политико-правовых процессов и усилением взаимозависимости государств. В отличие от классического понимания суверенитета как абсолютной и неделимой власти государства, сформировавшегося в трудах Жана Бодена и развитого в последующей государственно-правовой доктрине, современная международно-правовая теория рассматривает суверенитет как многоуровневую и динамическую категорию.

Современная концепция суверенитета отражает переход от модели абсолютной автономии государства к модели функционального взаимодействия государств в рамках международного

правопорядка. При этом суверенитет не утрачивает своего фундаментального значения, а трансформируется в правовой механизм, обеспечивающий участие государств в системе международного сотрудничества при сохранении их юридической независимости и равноправия. Международное право, закрепляя принципы суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела и территориальной целостности, одновременно формирует правовые инструменты координации государственной политики на глобальном уровне.

Особое значение в современной доктрине приобретает интегральный подход к суверенитету, согласно которому суверенитет государства рассматривается как комплекс взаимосвязанных политических, правовых, экономических и институциональных элементов. Такая интерпретация позволяет более адекватно объяснить функционирование государств в условиях глобализации, когда реализация суверенных прав неизбежно осуществляется в рамках международных обязательств и договорных механизмов.

Эволюция концепции суверенитета демонстрирует переход от его традиционного понимания как абсолютной государственной власти к более сложной правовой конструкции, сочетающей элементы независимости и международного взаимодействия. Современное международное право не ограничивает суверенитет государств, а институционализирует его посредством системы норм и принципов, обеспечивающих баланс между национальной автономией и международной кооперацией. В этом контексте суверенитет выступает не только юридическим признаком государства, но и важнейшим элементом устойчивости международного правопорядка.

По результатам проведённого исследования можно сформулировать следующие научные выводы:

Суверенитет государства в современном международном праве носит эволюционный характер, переходя от классической концепции абсолютной государственной власти к модели функционального взаимодействия государств в рамках международного правопорядка.

Современная международно-правовая доктрина рассматривает суверенитет как многоуровневую правовую категорию, включающую внутренние институциональные механизмы осуществления государственной власти и внешние формы международного взаимодействия.

Международное право не ограничивает государственный суверенитет, а формирует нормативные механизмы его реализации через систему международных обязательств, принцип суверенного равенства государств и договорные формы сотрудничества.

Интегральная модель суверенитета, объединяющая политические, правовые, экономические и институциональные элементы, наиболее полно отражает функционирование современного государства в условиях глобализации и усложнения международных отношений.

Современное государство не отвергло учение Бодена, а трансформировало его, адаптировав к условиям демократии, конституционализма и международного правопорядка для здорового поддержания баланса международных взаимоотношений и суверенитета каждой отдельной страны.

Список литературы:

- [1] Боден Ж. Шесть книг о государстве / пер. с фр. М.: Наука, 1996.
- [2] Скиннер К. Основы современной политической мысли. Т. I. Кембридж: Cambridge University Press, 1978.
- [3] История политических и правовых учений: учебник / под ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма, 2019.
- [4] Мерриам К. История теории суверенитета. Нью-Йорк: Columbia University Press, 1900.
- [5] Боден Ж. Шесть книг о государстве / пер. с фр. М.: Наука, 1996. С. 84-87.
- [6] Боден Ж. Шесть книг о государстве / пер. с фр. М.: Наука, 1996. С. 112-115.
- [7] Боден Ж. Шесть книг о государстве / пер. с фр. М.: Наука, 1996. С. 120-124.
- [8] Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений. М.: Норма, 2016. С. 182-185.
- [9] Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений. М.: Норма, 2016. С. 185-188.
- [10] Альтузий И. Политика, изложенная методически / пер. с лат.; вступ. ст. и коммент. В. С. Нерсесянца. М.: Канон+, 2011. С. 87-94, 112-118.
- [11] Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений. М.: Норма, 2016. С. 171-175.
- [12] Бьюкенен Д. О праве королевской власти у шотландцев / пер. с лат.; вступ. ст. и коммент. М.: Юридическая литература, 2003. С. 45-53, 61-64.
- [13] Суарес Ф. О законах и Боге-законодателе / пер. с лат.; вступ. ст. и коммент. В. С. Нерсесянца. М.: Наука, 2007. С. 201-210.
- [14] Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений. М.: Норма, 2016. С. 178-182.
- [15] Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ.; коммент. М.: Мысль, 2015. С. 263-271; см. также: Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений. М.: Норма, 2016. С. 214-219.
- [16] Монтескьё Ш.-Л. О духе законов / пер. с фр.; вступ. ст. М.: Мысль, 2018. С. 151-158; Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений. М.: Норма, 2016. С. 230-235.
- [17] Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем. М.: Мысль, 2019. С. 279-285.
- [18] Алексеев С. С. Теория государства и права. М.: Норма, 2018. С. 247-252.
- [19] Кутафин О. Е. Суверенитет в конституционном праве Российской Федерации. М.: Юрист, 2010. С. 42-48.
- [20] Алексеев С. С. Теория государства и права. М.: Норма, 2018. С. 241-246.
- [21] Кутафин О. Е. Суверенитет в конституционном праве Российской Федерации. М.: Юрист, 2010. С. 35-42.
- [22] Чиркин В. Е. Теория государства и права. М.: Юрист, 2019. С. 188-193.
- [23] Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М.: Юрайт, 2017. С. 214-218.
- [24] Морозова Л. А. Теория государства и права. М.: Норма, 2020. С. 167-171.
- [25] Малько А. В. Государственная власть: проблемы теории. М.: Юрист, 2016. С. 98-103.
- [26] Марченко М. Н. Теория государства и права. М.: Проспект, 2018. С. 256-260.
- [27] Тункин Г. И. Теория международного права: монография. М.: Зерцало, 2009. С. 45-48. EDN: QQYCGF
- [28] Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 103-110, 120-125, 210-218. EDN: KDDFRV
- [29] Тиунов О. И. Международное право и правовая система Российской Федерации: монография. М.: Норма, 2004. С. 45-52, 78-85, 110-118.
- [30] Международное право: учебник / отв. ред. К. А. Бекяшев. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2019. С. 95-110, 412-420.
- [31] Алексеев С. С. Теория государства и права. М.: Норма, 2018. С. 241-246.
- [32] Боден Ж. Шесть книг о государстве / пер. с фр. М.: Наука, 1996. С. 130-134.
- [33] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм. и доп.).
- [34] Боден Ж. Шесть книг о государстве / пер. с фр. М.: Наука, 1996. С. 140-145.
- [35] Боден Ж. Шесть книг о государстве / пер. с фр. М.: Наука, 1996. С. 146-150.
- [36] Кутафин О. Е. Суверенитет в конституционном праве Российской Федерации. М.: Юрист, 2010.
- [37] Боден Ж. Шесть книг о государстве / пер. с фр. М.: Наука, 1996. С. 210-218.
- [38] Хабермас Ю. Между фактами и нормами. Кембридж: Polity Press, 1996.
- [39] Боден Ж. Шесть книг о государстве / пер. с фр. М.: Наука, 1996. С. 160-168.
- [40] Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.

[41] Кроуфорд Дж. Создание государств в международном праве. Оксфорд: Oxford University Press, 2006.

[42] Устав Организации Объединённых Наций: подписан 26 июня 1945 г.

References:

[1] Boden J. Six books about the state/per. From French M.: Science, 1996.

[2] Skinner K. Fundamentals of Modern Political Thought. T. I. Кембридж: Cambridge University Press, 1978.

[3] History of political and legal teachings: textbook/ed. V. S. Nersesyants. M.: Norma, 2019.

[4] Merriam K. History of sovereignty theory. Нью-Йорк: Columbia University Press, 1900.

[5] Boden J. Six books about the state/per. From French M.: Science, 1996. S. 84-87.

[6] Boden J. Six books about the state/per. From French M.: Science, 1996. S. 112-115.

[7] Boden J. Six books about the state/per. From French M.: Science, 1996. S. 120-124.

[8] Nersesyants V. S. History of political and legal teachings. M.: Norma, 2016. S. 182-185.

[9] Nersesyants V. S. History of political and legal teachings. M.: Norma, 2016. S. 185-188.

[10] Altusius I. Policy set out methodically/trans. From lat.; entry. Art. and comment. V. S. Nersesyants. M.: Canon+, 2011. S. 87-94, 112-118.

[11] Nersesyants V. S. History of political and legal teachings. M.: Norma, 2016. S. 171-175.

[12] Buchanan D. On the right of royal power in the Scots/trans. from lat.; entry. Art. and comment. M.: Legal literature, 2003. S. 45-53, 61-64.

[13] Suarez F. On laws and the God-legislator/trans. From lat.; entry. Art. and comment. V. S. Nersesyants. M.: Science, 2007. S. 201-210.

[14] Nersesyants V. S. History of political and legal teachings. M.: Norma, 2016. S. 178-182.

[15] Locke J. Two treatises on rule/trans. From English; comment. M.: Thought, 2015. S. 263-271; see also: Nersesyants V. S. History of political and legal teachings. M.: Norma, 2016. S. 214-219.

[16] Montesquieu S.-L. On the spirit of laws/trans. From fr.; entry. Art. M.: Thought, 2018. S. 151-158; Nersesyants V. S. History of political and legal teachings. M.: Norma, 2016. S. 230-235.

[17] Hegel G.V.F. Philosophy of Law/trans. With German M.: Thought, 2019. S. 279-285.

[18] Alekseev S. S. Theory of State and Law. M.: Norma, 2018. S. 247-252.

[19] Kutafin O. E. Sovereignty in the constitutional law of the Russian Federation. M.: Lawyer, 2010. S. 42-48.

[20] Alekseev S. S. Theory of State and Law. M.: Norma, 2018. S. 241-246.

[21] Kutafin O. E. Sovereignty in the constitutional law of the Russian Federation. M.: Lawyer, 2010. S. 35-42.

[22] Chirkin V.E. Theory of state and law. M.: Lawyer, 2019. S. 188-193.

[23] Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of state and law. M.: Yurayt, 2017. S. 214-218.

[24] Morozova L. A. Theory of state and law. M.: Norma, 2020. S. 167-171.

[25] Malko A. V. State power: problems of theory. M.: Lawyer, 2016. S. 98-103.

[26] Marchenko M.N. Theory of State and Law. M.: Prospect, 2018. PP. 256-260.

[27] Tunkin G.I. Theory of international law: monograph. M.: Zerkalo, 2009. S. 45-48. EDN: QQY-CGF

[28] Lukashuk I. I. International law. General part: textbook. 3rd ed., Revised and add. M.: Wolters Kluwer, 2005. S. 103-110, 120-125, 210-218. EDN: KDDFRV

[29] O. Tiunov. International Law and the Legal System of the Russian Federation: monograph. M.: Norma, 2004. S. 45-52, 78-85, 110-118.

[30] International law: textbook/rev. ed. K. A. Bekyashev. 6th ed., Revised and add. M.: Norma, 2019. S. 95-110, 412-420.

[31] Alekseev S. S. Theory of State and Law. M.: Norma, 2018. S. 241-246.

[32] Boden J. Six books about the state/per. From French M.: Science, 1996. S. 130-134.

[33] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (amended and supplemented).

[34] Boden J. Six books about the state/per. From French M.: Science, 1996. S. 140-145.

[35] Boden J. Six books about the state/per. From French M.: Science, 1996. S. 146-150.

[36] Kutafin O. E. Sovereignty in the constitutional law of the Russian Federation. M.: Lawyer, 2010.

[37] Boden J. Six books about the state/per. From French M.: Science, 1996. S. 210-218.

[38] Habermas Y. Between facts and norms. Cambridge: Polity Press, 1996.

[39] Boden J. Six books about the state/per. From French M.: Science, 1996. S. 160-168.

[40] Universal Declaration of Human Rights: Adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948

[41] Crawford J. Establishment of States in International Law. Оксфорд: Oxford University Press, 2006.

[42] Charter of the United Nations: signed June 26, 1945